

Б. Н. Миронов

О нелегитимности советской власти

Легитимность советской власти была и остается актуальной, спорной и важной темой в историографии — это принципиальная проблема истории России. От ее решения зависит оценка советского режима как правомерного, добровольно поддерживаемого большинством населения страны или как навязанного народу против его воли и удерживаемого грубой силой и репрессиями. В первом случае советский период (74 года, или три поколения в жизни российского народа) — время испытаний, болезненного роста, но и больших достижений; во втором — преимущественно время страданий и насилия над людьми, вопреки своим желаниям втянутыми коммунистами обманом и насилием в авантюру всемирно-исторического масштаба — в реализацию утопического коммунистического проекта. Во времена СССР советские обществоведы практически единодушно считали режим легитимным, а подавляющее большинство западных русистов — незаконным, опирающимся на силу и пропаганду.

После распада Союза в российскую науку пришел плюрализм. Но в 1985–2000 гг., годы «бури и натиска», отказа от советского наследия, возобладало мнение о нелегитимности советской власти. «Формирование советской политической системы было в основном завершено к 1934 г., а позднее закреплено в Конституции 1936 г. Всевластие партийно-советской бюрократии было увенчано режимом личной власти И. В. Сталина в партии и государстве, в качестве универсального инструмента управления был использован террор», — утверждает

Миронов

Борис Николаевич
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке
Российского фонда
фундаментальных
исследований (РФФИ),
проект № 20-09-00353
«Распад Советского
Союза в человеческом
измерении:
междисциплинарное
исследование»

в учебнике «Социальная статистика»¹. Анализ советских электоральных технологий, использованных сталинским режимом в 1937 г., привел С. А. Папкова к выводу, что выборы в Верховный Совет СССР были одной «из наиболее крупных политических афер Сталина», использованной «в качестве средства легитимации партийно-государственной диктатуры»². Выборы в Верховный Совет 1937 г. и в последующие годы И. В. Павлова называет мистификацией, их итоги — следствием идеологической обработки населения и террора³. Смена парадигм в оценке легитимности объясняется, по крайней мере отчасти, повышенным интересом ученых к истории государственного террора и лагерной системы, а также к разного рода протестным движениям (и то и другое в советской историографии по цензурным соображениям не изучалось), вследствие чего это направление исследования стало одним из самых значительных по количеству публикаций разделов историографии в ущерб изучению факторов массовой поддержки режима.

В современной политологии легитимность государственной власти трактуется различно⁴. Однако во всех определениях обязательными признаками легитимности считаются два: 1) *граждане признают* за властью право господствовать и управлять в соответствии с установленными или принятыми в обществе правилами, нормами и традициями, а за собой обязанность повиноваться и быть *лояльными* к ней; 2) *граждане доверяют* власти, полагая, что она осуществляет морально обоснованное, необходимое и законное господство и управление в их интересах. Фактически легитимность предполагает наличие (явного или неявного) общественного договора между народом и государством: люди обязуются быть лояльными к государству, отказываясь в той или иной мере от своих суверенных прав, а государство обязуется защищать и обеспечивать интересы народа, управляя в соответствии с принятыми в обществе правилами и принципами.

Легитимность власти не может быть утверждена и поддерживаться только силой, так как легитимность предполагает доверие общества, соответствие режима его политической культуре и традициям. Это не означает, что существующая власть всегда принимается осознанно и единодушно. Законность власти может оспариваться. Однако в конечном счете, если носители власти не могут добиться своей легитимации, оправдать морально и идеологически свое существование перед обществом, они терпят поражение⁵. Важно различать, что оспаривает общество: законность конкретной личности, учреждения, института или политической системы. Например, в 1917 г. значительная часть населения оспаривала легитимность Николая II как императора, но не оспаривала легитимность монархии. Согласие большинства населения принять данную власть доказывается его поведением, а в обществах с избираемыми законодательными учреждениями — голосованием на выборах, если большинство признает его результаты. В качестве основного показателя делигитимации политической власти выступает уровень политического протеста населения, который может быть тихим саботажем или открытым протестом.

Исходя из существующих критериев, чтобы признать советскую власть легитимной, нужно доказать: 1) лояльность (верность, преданность) населения

к власти, верность действующим законам, постановлениям, готовность им подчиняться; 2) доверие власти и удовлетворенность ее действиями. Критерии взаимосвязаны, но каждый отражает определенный аспект взаимоотношений власти и населения. Если лояльность может быть формальной и вынужденной, то доверие выражает уверенность в надежности, честности, силе власти и удовлетворенности ее действиями и политикой. В обществах, где власть избирается, ее легитимность оценивается на честных выборах, по данным электоральной статистики. В тех случаях, когда последняя вызывает недоверие, необходима проверка ее достоверности, а также верификация лояльности и доверия населения к власти.

Предмет нашего исследования — легитимность советской власти, объект — поведение избирателей на выборах, по сведениям электоральной статистики, и отношение населения к власти, по сведениям социологических опросов и других массовых источников. Цель — проверить легитимность власти. Начнем с анализа электоральной статистики.

Электоральная статистика и ее достоверность

Рассмотрим официальные данные о явке и голосовании⁶ в Советы всех уровней — от сельсовета до Съезда или Верховного Совета СССР, которые имеются за 1922–1989 гг. (табл. 1 и 2). Сведения о явке собирались с 1918 г., но до 1922 г. не обобщались по причине их недостатка. Данные о выборах в сельские советы по РСФСР в Москву в 1920–1921 гг. не поступали, в 1922 г. их прислали 318 уездов, или 69 %, в 1923 г. — 341, или 74 %, в 1924 г. — 388, или 84 %, в 1925 г. — 334, или 80 % всех уездов⁷.

Таблица 1

Явка на выборы в Советы всех уровней по РСФСР в 1922–1926 гг.
и по СССР в 1927–1985 гг., %

Год	Явка избирателей		
	в городах	в сельской местности	всего
РСФСР			
1922	36,50	22,30	24,40
1923	38,50	37,20	37,42
1924	40,50	41,10	41,00
1925	48,70	47,30	47,54
1926	52,00	48,90	50,80
СССР			
1927	58,40	48,40	50,20
1929	70,80	61,80	63,50
1931	79,60	70,40	72,10

Год	Явка избирателей		
	в городах	в сельской местности	всего
1934	91,60	83,30	85,00
1939*	–	–	96,80
1963	–	–	99,94
1971	–	–	99,95
1980	–	–	99,98
1985*	–	–	99,98

* 1939, 1985 — выборы в местные Советы в СССР.

Составлено по: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. Ч. 1. С. 10, 47; Выборы в Советы в Союзе СССР 1934–1935 г. М., 1935. С. 4; *Журавлев В. П., Фортунатов В. В.* Избирательная система и выборы в РСФСР в 1918–1936 гг. URL: <http://www.rcoit.ru/lib/history/1918-1990/17041/> (дата обращения: 25.05.2021); Итоги выборов в местные Советы депутатов трудящихся 1939 г.: (Цифровой сборник). М., 1941; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов 1985 г.: (Стат. сб.). М., 1985. С. 246–249; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся 1963 г.: (Стат. сб.). М., 1963; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик 1971 г.: (Стат. сб.). М., 1971; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик, 1980 г.: (Стат. сб.). М., 1980.

Таблица 2

**Итоги выборов в Верховный Совет СССР в 1937–1984 гг.
и на Съезд народных депутатов в 1989 г., %**

Год	Явка	За блок коммунистов и беспартийных
1937	96,79	98,18
1946	99,74	99,17
1954	99,98	99,82
1958	99,97	99,57
1966	99,94	99,77
1970	99,96	99,76
1974	99,98	99,82
1979	99,99	99,90
1984	99,98	99,88
1989	89,75	87,02*

* 87,02% избирателей проголосовали за коммунистов.

Составлено по: Выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик 1937–1938 гг.: (Цифровой сб.). М., 1939. С. 12–13; URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Верховный_Совет_СССР_\(1946\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Верховный_Совет_СССР_(1946)) (дата обращения: 05.05.2021); URL: <https://clck.ru/g9Uwx> (дата обращения: 05.05.2021); URL: <https://clck.ru/g9WeV> (дата обращения: 05.05.2021); URL: <https://clck.ru/g9XuP> (дата обращения: 05.05.2021); <https://clck.ru/g9Yry> (дата обращения: 05.05.2021); URL: <https://clck.ru/g9aUs> (дата обращения:

05.05.2021); URL: <https://clck.ru/A4oaw> (дата обращения: 05.05.2021); Сообщение Центральной избирательной комиссии об итогах выборов в Верховный Совет СССР седьмого созыва, состоявшихся 12 июля 1966 г. М., 1966; Сообщение Центральной избирательной комиссии об итогах выборов в Верховный Совет СССР восьмого созыва. М., 1970; Сообщение Центральной избирательной комиссии об итогах выборов в Верховный Совет СССР десятого созыва. М., 1979; Сообщение Центральной избирательной комиссии об итогах выборов в Верховный Совет СССР одиннадцатого созыва. М., 1984; Результаты выборов народных депутатов СССР (1989 г.). Сообщение Центральной избирательной комиссии // Правда. 1989. 5 апр.

Приведенные данные показывают, что в первые годы советской власти явка избирателей была низкой: в городах в 1922 г. — 35,5 %, в 1923 г. — 38,5 %, в сельской местности еще ниже — соответственно 22,3 и 37,2 %⁸. Для преодоления абсентеизма были приняты меры: в 1925 г. ослаблено партийно-государственное давление, введена ограниченная альтернативность, утвержден обязательный минимум явки избирателей — 35 % (при меньшей явке выборы кассировались), организована система оповещения (индивидуальные повестки и др.)⁹. Явка стала постепенно расти и в 1929 г. достигла 64 %, в 1934 г. — 85,0 %. После того как в 1936 г. было введено тайное индивидуальное голосование, средняя явка по стране повысилась до 96,81 % в 1937 г. и достигла почти 100 % в 1946-м.

С 1937 г. стали учитываться также результаты голосования, которые показали: процент поддержки избирателями так называемого блока коммунистов и беспартийных достиг беспрецедентного уровня — 98,2 % и практически совпал с процентом явки — 96,8 %. К 1946 г. и тот и другой приблизились к 100 % и оставались на этом уровне до 1984 г. (табл. 2).

Можно ли верить официальным результатам голосования?

В постсоветской историографии статистике выборов мало доверяют, как, впрочем, и всей советской статистике. Однако голословно или основываясь на слухах и предположениях — прямых свидетельств массовой фальсификации электоральной статистики не приведено. Власти признавали, что цифры официальной статистики в 1920-х гг. были далеки от совершенства: «Местные органы власти фактически не считались с нормами ни Конституции, ни инструкции ВЦИК. Нередки были факты завышения квот представительства от рабочих, не уделялось должного внимания ни отчетно-выборным собраниям, ни образованию избирательных участков и т. д. Не всегда выдерживались и постулированные новой властью установки на классовый подход, на “борьбу против враждебных Советской власти элементов” и т. д.»¹⁰. С 1925 г. положение начало улучшаться, с 1937 г. стало удовлетворительным. К сожалению, проверить корректность подсчетов явки и голосования в масштабе больших регионов нет возможности.

Далее, сравнение результатов выборов в Верховный Совет 1–11-го созывов, проходивших под жестким контролем и, как некоторые думают, по принуждению, и выборов Съезда народных депутатов в 1989 г., проходивших в условиях свободы (наличия альтернативных кандидатов и публичного обсуж-

дения различных предвыборных программ), позволяют, на наш взгляд, ответить на вопрос о степени реальной поддержки коммунистов и, значит, установить предельные масштабы возможной фальсификации результатов голосования. В марте — мае 1989 г. 87,02 % избирателей, или, учитывая явку (89,75 %), 78,1 % взрослого населения страны, поддержали коммунистов, т. е. по-прежнему им доверяли. И это на протестной волне, захлестнувшей страну после всех трудностей, несчастий и катастроф, пережитых в 1980-е гг., и особенно в годы перестройки, в условиях беспрецедентного кризиса и всеобщего разочарования в советской власти, тотального дефицита и талонной системы на основные продукты питания! Как показало проведенное в 1990 г. единовременное выборочное обследование 30 тыс. человек, в целом по СССР потребности населения в девяти основных продуктах питания повсеместно не удовлетворялись даже в хлебе: дефицит мясopодуkтов испытывали 81,1 % опрошенных, рыбopодуkтов — 78,2 %, овощей и фpуктов — 71,7 %, сахара — 51,6 %, молочных продуктоf — 41,7 %, картофеля — 22,8 %, макаронных и мучных изделий — 19,5 %, хлеба — 2,3 %¹¹.

На мой взгляд, маловероятно, что в докризисные годы коммунисты имели меньшую поддержку, чем в 1989 г. Следовательно, можно предположить, что фальсификация выборов в Советы до 1989 г., если она и была, составляла менее 13 %. Другими словами, коммунисты постоянно имели огромную поддержку населения.

Власти не скрывали существования протестного голосования, к которому можно отнести неявку на выборы, порчу бюллетеней и голосование против официальных кандидатов, потому что все эти действия рассматривались в советское время как проявление нелояльности — голосование за правящую партию считалось «гражданским долгом». Но совершить подобные поступки было непростым делом, поскольку к каждому дому и квартире от избирательного участка прикреплялся специальный агитатор от избирательной комиссии, в обязанности которого входило информирование о месте и времени голосования, ознакомление с кандидатами в депутаты, сбор наказов и т. п. Если человек в день выборов не являлся на участок, агитатор звонил ему по телефону или приходил домой и спрашивал, почему гражданин до сих пор не пришел проголосовать, уговаривал его прийти. В случае болезни урну для голосования приносили прямо к постели. Иногда жители квартиры или всего дома отказывались голосовать, если им не починят водопровод, канализацию, крышу и т. п. Отдельный гражданин мог предъявить индивидуальные требования и претензии в качестве условия голосования. Местные власти такие ходатайства обычно удовлетворяли. Освободиться от опеки избирательного участка, если не хотелось голосовать, было нелегко, учитывая, что большинство граждан проживали в коммунальных квартирах. Абсентеисту приходилось в день голосования уезжать или уходить из дома на весь день. Либо накануне выборов под предлогом отъезда брать открепительный талон — в таком случае агитаторы оставляли его в покое. Многие предполагали, наверное, не без основания, что систематическое игнорирование выборов фиксируется компетентными органами и впоследствии возможны неприятности. Словом, неявка была сопряжена

с определенными трудностями, поэтому основная часть населения считала, что проще проголосовать, чем уклониться.

С известными трудностями сталкивались и те, кто намеревался голосовать против или испортить бюллетень. Так как при голосовании за не требовалось что-нибудь вычеркивать из бюллетеня, то вход в имеющуюся на избирательном участке кабину для голосования означал, что избиратель хочет в бюллетене что-то написать. Поэтому заходить туда опасались, чтобы не привлечь внимание людей, под контролем которых проводились выборы. Тем не менее, несмотря на это, находились сотни тысяч, а иногда и миллионы людей, пропускавших выборы, портивших бюллетени и голосовавших против¹². Не все они были противниками советской власти и диссидентами, однако, несомненно, являлись нонконформистами. Тот факт, что тысячам избирателей удавалось тем или иным способом выразить на выборах свое недовольство советской властью, свидетельствует о том, что эти формы протеста являлись общедоступными. О масштабах протестного голосования в *довоенное время* можно судить лишь по неявке избирателей, поскольку результаты голосования стали учитываться только с 1937 г.

Год	Неявка, %
1922	75,6
1923	78,0
1924	73,7
1925	69,6
1926	49,2
1927	49,8
1929	36,5
1931	27,9
1934	15,0
1937	3,2

По избирательным законам, действовавшим в 1918–1935 гг., игнорирование выборов оставалось единственным способом высказаться против существующей власти. Вряд ли всю неявку можно объяснить такими уважительными причинами, как болезнь, временное отсутствие, недоступность избирательных участков и т. п. В 1900–1913 гг., согласно исповедной статистике Синода, в империи пропускали исповедь и причастие по уважительным причинам во время Великого поста только 2–3% православных¹³. Среди не явившихся на выборы преобладали, несомненно, нонконформисты, особенно среди крестьян. Об этом говорит явка на выборы во Всероссийское учредительное собрание в 1918 г. и в Советы в 1922–1923 гг. Учредительное собрание выбирали 55% избирателей¹⁴, т. е. явка была в 2,4 раза выше, чем в Советы. Показательно,

что явка в деревне в 1918 г. была в 1,4 раза *выше*, чем в городе¹⁵, в то время как в 1922–1923 гг. — в 2,4 раза *ниже*. Иными словами, *крестьяне в 1918 г. были в 1,4 раза активнее рабочих, а в 1922–1923 гг. — в 2,4 раза пассивнее*. Характерно, что проценты явки и голосования за правящую партию в 1937–1985 гг. практически совпадали — ходили на выборы главным образом для того, чтобы поддержать официальных кандидатов. Эта традиция, вероятно, существовала и в 1922–1936 гг. Голосовать ногами было естественным делом для малограмотного населения. Опираясь на данные о неявке, можно предположить, что в 1918–1925 гг. большевикам доверяло менее трети избирателей, например в 1922 г. — 22%. Это даже меньше, чем в 1917–1918 гг., когда на выборах в Учредительное собрание они получили 24,5% голосов. Статистика протестного голосования с 1937 г. приведена в табл. 3.

Таблица 3

Итоги протестного голосования в Верховный Совет СССР в 1937–1989 гг. (тыс.)

Год	Число избирателей	Явились на выборы	Неявка	Против блока КПСС	Недействительные	Неявка, против, недействительные	Неявка, против, недействительные, %
1937*	94 138	91 113	3025	597	1062	4684	4,98
1946	101 718	101 451	267	819	19,213	1105	1,09
1954	120 751	120 728	23	218	0,645	242	0,20
1961*	138 029	137 947	83	137**	—	220	0,16
1966	144 001	143 917	84	333	0,397	417	0,29
1970	153 237	153 172	65	364	0,431	429	0,28
1974	161 724	161 690	35	290	0,087	325	0,20
1979	174 944	174 920	24	84	0,087	108	0,06
1985*	185 704	185 667	37	184**	—	221	0,12
1989	192 575	172 840	19 735	22 435	—	42 170	21,90

* Выборы в Советы всех уровней в СССР.

** Вместе с недействительными голосами.

Составлено по: см. табл. 2.

Как следует из приведенных данных, процент нонконформистов был небольшим, однако в абсолютном выражении их насчитывались не единицы, а сотни тысяч, иногда и миллионы человек. Какую-то логику в динамике их числа можно усмотреть. В 1937 г., в период Большого террора, когда страх наказания за нелояльность был особенно высок, зафиксирован и самый вы-

сокий уровень несогласных — 4 млн 684 тыс. человек, или 5 % избирателей, которые пропустили выборы, испортили бюллетени или проголосовали против коммунистов. В послевоенные годы, по мере улучшения жизни, протестное голосование уменьшалось и упало к 1961 г. до 220 тыс., т. е. в 21 раз сравнительно с 1937 г. В начале эпохи застоя протестное голосование выросло, а затем стало снижаться, достигнув минимальной точки в 1979 г. — 108 тыс. человек, или 0,06 % избирателей. Примечательно, что в течение 13 лет застоя, с 1966 по 1979 г., протестное голосование снижалось. К началу перестройки оно вновь несколько увеличилось, а в 1989 г. достигло высшей точки, охватив 42 млн 170 тыс. человек, или почти 22 % всех избирателей.

Как коммунистам удалось решить задачу легитимности?

Достижение легитимности происходило с помощью избирательного закона, жесткого контроля за процессом выборов и голосования, эффективной пропаганды, с одной стороны; а также своей идеологии, внутренней и внешней политики, которая во многом соответствовала интересам большинства населения (как население эти свои интересы понимало) и удовлетворяла его потребности, о чем говорят социологические опросы, — с другой.

Избирательные законы, действовавшие в 1918–1935 гг., установили систему косвенных, многоступенных, классовых, цензовых выборов — с целью увеличить социальную базу поддержки большевиков и лишить потенциальных противников права голоса. С точки зрения представительности рабочие получили пятикратное преимущество перед крестьянами, что позволяло им не «утонуть» среди менее сознательных крестьянских депутатов, как считали большевики. Ценз оседлости был отменен: огромная масса радикально настроенных беженцев, численность которых в империи на июль 1917 г. оценивается от 5 до 15 млн человек¹⁶, получила право голоса. В 1924 г. избирательное право было предоставлено иностранным мигрантам, принадлежавшим к рабочему классу или к не пользующемуся наемным трудом крестьянству. Но самое важное: впервые в мировой практике большевики установили *классовый ценз*, дававший на выборах преимущество не верхним и средним, а низшим социально-экономическим стратам населения, в тот момент служившим социальной опорой большевиков. Классовый ценз лишил избирательных прав шесть категорий населения (они получили название лишенцев), представлявших, по мнению большевиков, потенциальную опасность: 1) лиц, использующих наемный труд с целью извлечения прибыли; 2) лиц, живущих на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.); 3) частных торговцев, торговых и коммерческих посредников; 4) монахов, священно- и церковнослужителей всех культов; 5) служащих и агентов бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений; 6) дворян, белых офицеров и членов дома Романовых. До конца 1920-х гг. за счет расширения дискриминационной практики и поражения в правах новых категорий населения численность лишенцев увеличивалась и, соответственно, возрастал их процент в общей численности избирателей. Однако он никогда не

превышал 5% и потому не мог оказать серьезного влияния на электоральную статистику¹⁷.

Год	Лишенцы, %
1922	1,40
1923	1,30
1924	2,00
1925	1,63
1926	1,63
1927	4,27
1929	4,89
1930	4,15
1931	2,60
1934–1935	2,46

В годы советской власти, вплоть до выборов Съезда народных депутатов 1989 г., избирательный процесс находился под полным контролем правящей партии, включая выдвижение депутатов, делегирование населением представителей в избирательные комиссии, голосование, подсчет голосов и объявление результатов, что теоретически могло повлиять на результаты выборов в пользу правящей партии¹⁸. Репрессии против потенциальных противников и лишение их избирательных прав определенно порождали страх попасть в категорию чуждых советской власти социальных элементов, со всеми вытекающими из этого последствиями, и, очевидно, конформистские настроения. Но вряд ли правильно из этого делать вывод, что ограничительно-дискриминационные технологии превратили общество в управляемое и подконтрольное стадо, что граждане были вымуштрованы настолько, что в 1956–1985 гг. уже и без массовых репрессий и насилия исполняли свой «гражданский долг» — ходили на выборы и голосовали за назначенных кандидатов. Наличие сотен тысяч неконформистских избирателей говорит об обратном. «На штыки можно опираться, но на них нельзя сидеть!» — справедливо сказал О. Бисмарк. Нужны были позитивные стимулы, и власти их нашли.

До Отечественной войны рабочие и значительная часть крестьян попали в категорию привилегированных и имели сравнительно с «бывшими» много преимуществ в политическом, моральном и материальном отношениях. Политика лишения «бывших» избирательных прав находила поддержку в широких массах. Более высокий политический и социальный статус советских тружеников от станка и сохи давал им право смотреть свысока на представителей бывших привилегированных классов. Как писал В. Маяковский, «Но кепчонку не сдеру с виска. / У советских собственная гордость: / На буржуев смотрим свысока». Наличие миллионов лишенцев постоянно поддерживало в обществе атмосферу

раскола и конфронтации, агрессии в отношении бывших привилегированных сословий, напоминало трудящимся о победе социалистической революции, которая исполнила пророчество Интернационала — официального гимна РСФСР и СССР (до 1944 г.) и международного пролетарского гимна: «Кто был ничем, тот станет всем». Надо полагать, ощущение себя привилегированным классом доставляло рабочим и крестьянам чувство глубокого удовлетворения. Очень многие искренне верили, что принимают прямое участие в управлении государством. Культурная и демографическая революция, возможности для высокой социальной мобильности, эмансипация женщин, развитие здравоохранения и многие другие мероприятия советской власти несомненно и справедливо считались благом.

Следует учесть, что в 1922–1940 гг. (с перерывом в 1928–1932 гг.) у рабочих и служащих наблюдалось повышение доходов (заработной платы вместе с социальными выплатами), улучшалось питание, росло потребление¹⁹. Положение крестьян изменялось более прихотливо, но тренд, за исключением 1929–1933 гг., был позитивным²⁰. После катастрофического падения экономики и уровня жизни в 1914–1921 гг.²¹ даже небольшое повышение доходов и улучшение потребления казались благодеянием, что, естественно, не могло не отразиться на росте доверия к правящей партии.

Победа в Великой Отечественной войне вызвала гордость, энтузиазм в народе, укрепила доверие к власти и веру в социалистический проект. Если верить официальной статистике, в послевоенные годы, до конца 1980-х, жизнь огромного большинства населения, особенно сельского, во всех отношениях улучшилась, в том числе и материально, что должно было способствовать сохранению доверия народных масс к режиму. Достоверность советской статистики со времени перестройки вызывает в сообществе ученых большие сомнения²². Однако компетентная ревизия коснулась макроэкономической статистики, динамики ВВП и основных фондов СССР. Данные о доходах и потреблении не подвергались ревизии, а недоверие к ним существует по аналогии. Между тем сравнение данных о потреблении из официальной статистики за 1913–1960 гг. и секретного доклада, подготовленного в 1955 г. Центральным статистическим управлением СССР, Институтом экономики АН СССР и Институтом питания Академии медицинских наук СССР для председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина, обнаружило *их полное совпадение как по продовольственным, так и по промышленным товарам (ткани и обувь)*. Кроме того, в докладе на основе приведенных цифр отмечено, что по сравнению с дореволюционной Россией питание населения значительно улучшилось, но по-прежнему отстает от питания в главных капиталистических странах и находится ниже научных норм по всем продуктам, кроме хлеба и картофеля. Относительно потребления промышленных товаров наблюдалось то же самое²³. Доклад был лично завизирован руководителями указанных учреждений, и маловероятно, чтобы сведения, приведенные в нем, не соответствовали действительности. Основываясь на антропометрических данных, можно уверенно сказать, что в послевоенной период уровень жизни населения повышался, хотя, вероятно, не настолько, как об этом говорит официальная статистика²⁴.

Социологические опросы об отношении населения к власти

В контексте нашего исследования самое главное состоит в том, что на электоральное поведение в СССР влияло не только то, что было на самом деле, но и то, как широкие массы воспринимали советскую действительность, как относились к власти и коммунистическому проекту и как оценивали свою жизнь. На этот счет имеются обширные данные социологических опросов, которые проводились в 1959–1980-е гг. под руководством и при непосредственном участии выдающегося российского исследователя общественного мнения Б. А. Грушина. Он основал и руководил первым в СССР Институтом общественного мнения» (1960–1967 гг.) при газете «Комсомольская правда» и Отделом изучения общественного мнения в первом советском социологическом исследовательском центре — Институте конкретных социальных исследований АН СССР (1960-е гг.). В 1967–1974 гг. по заданию Отдела пропаганды ЦК КПСС ученый реализовал монументальный «Таганрогский проект», целью которого было научное изучение динамики общественного мнения. В 1988–1990 гг. Б. А. Грушин с коллегами организовал Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), а в 1990–2000 гг. возглавлял созданную им известную и авторитетную частную Службу изучения общественного мнения *Vox Populi*. Существенно, что он не питал симпатий к советскому режиму, придерживался либерально-демократических взглядов, не имел идеологических и личных мотивов преувеличивать достижения КПСС и приукрашивать жизнь народа. В общей сложности в 1959–1989 гг. под его руководством и при непосредственном участии было проведено около 800 социологических обследований, охвативших десятки тысяч людей. Об их результатах сохранились текущие отчеты. Кроме того, Б. А. Грушин обобщил их в 2001–2007 гг. — при полной свободе выражения и без цензурного гнета — в трехтомном труде²⁵.

В большинстве опросов в качестве метода исследования использовался анкетный выборочный опрос на основе стратифицированной пропорциональной выборки населения СССР и техники самозаполнения анкет. Вопросы в них формулировались таким образом, чтобы опрашиваемый не осознавал, какие истинные цели преследует опрос, какие аспекты общественного сознания в конечном счете интересуют социологов. Например, спрашивалось не как респондент относится к коммунистическому проекту и к правящей партии, а как и ради чего он участвует в общественной жизни, какие ставит цели в жизни, какие испытывает трудности и почему, как относится к работе. В целом использованная методология проведения социологических опросов позволяла получать репрезентативную картину состояния общественного мнения и топов массового сознания во всесоюзном масштабе. Б. А. Грушина — без преувеличения! — можно считать летописцем советской эпохи 1959–1989 гг. Приведу итоги некоторых исследований, непосредственно касающихся нашей темы, — об отношении населения к власти, коммунистическому проекту и об оценке своего положения и перспектив на будущее.

10–14 мая 1960 г. проводился опрос одной тысячи респондентов *об отношении советских людей к капиталистическому миру*. Он показал, что

опрашиваемые, во-первых, чувствовали неподдельную гордость за свою Родину, за ее успехи, оборонную мощь, ведущие позиции в мире и т. д., во-вторых, проявляли полную лояльность по отношению к существующему в стране общественно-политическому и экономическому строю. «В тысяче анкет нет ни одной строки, которая выражала хотя бы косвенное недовольство ситуацией в стране, содержала хотя бы самый слабый намек на критику политики государства». Подавляющее большинство респондентов явно или скрытно разделяли установку «Народ и партия едины». Их ценностные ориентации резюмируются двумя формулами: 1) главная ценность — мирная жизнь человечества и 2) социализму — да, капитализму — нет! Какие-либо сомнения в своей правоте по части судьбы «процветающего социализма» и «дряхлающего капитализма» отсутствовали²⁶.

В августе — сентябре 1960 г. было проведено исследование *об изменении уровня жизни*. 73,2 % респондентов (из 1399) признали, что «за последние годы» уровень жизни повысился, 19,8 % — остался без изменений, и лишь 7 % заявили, что понизился. Характерно, что мнение о росте благосостояния разделяли большинство представителей всех социальных и гендерно-возрастных групп. Диапазон мнений относительно улучшения уровня жизни составил 55–88 %, стабильности — 9–33 %, понижения — 1–23 %. Самый высокий процент удовлетворенных был среди часто забываемых государством колхозников — 87,5 %. Ощущение улучшения условий жизни являлось «всеобщим и повсеместным» и сопровождалось «весьма высоким оптимизмом в отношении бытия грядущего». Б. А. Грушин говорит об «общем состоянии подъема, или даже всенародного энтузиазма»²⁷.

В феврале — марте 1971 г. было проведено второе исследование о *материальном положении населения*, подтвердившее и дополнившее результаты исследований 1960 г. Оно определенно показало, что личное богатство, высокий достаток и материальные блага в целом по-прежнему не относились к числу приоритетных ценностей большинства. От них не отказывались, но они находились на втором плане, существенно уступая духовным ценностям, в частности духовно-нравственному богатству личности. Опрос обнаружил «отчетливо выраженное отношение российских масс к низкому уровню и качеству своей жизни как к норме, как к вполне естественному, принятому состоянию дел, сопряженному, разумеется, с некоторыми неудобствами и огорчениями, но в принципе вполне терпимому. <...> При нескрываемом недовольстве всеобщим и повсеместным дефицитом даже чисто вербальная его критика была более чем умеренной и безадресной. О возможности же каких-либо протестных акций — вообще ни звука»²⁸. Напомню, что отношение к бедности как норме существовало много столетий до 1960-х гг. и являлось топосом этики русских²⁹.

Опрос 17 446 человек в возрасте до 30 лет в январе — марте 1961 г. имел целью сформировать *портрет молодого поколения*. Он получился почти таким, каким рисовала его советская пропаганда, — патриотичным, преданным партии и идеям коммунизма, оптимистичным, целеустремленным. Вот результаты ответов на некоторые вопросы³⁰.

*Какие черты советской молодежи являются наиболее сильными?
(в % от общего числа опрошенных)*

1.	Патриотизм, любовь к Родине	— 32,0
2.	Высокие моральные качества (воля, мужество, честность, чуткое отношение к людям и др.)	— 31,0
3.	Преданность партии, идеям коммунизма	— 22,1
4.	Стремление к знаниям	— 20,3
5.	Сознательное отношение к труду, трудолюбие	— 19,8
6.	Коллективизм	— 14,9
7.	Жизненная активность, энтузиазм	— 12,0
8.	Стремление к новому	— 6,2
9.	Миролюбие, стремление к миру	— 6,0
10.	Интернационализм, отсутствие национальной неприязни	— 3,1
11.	Реализм	— 0,7

*В чем состоит цель вашей жизни?
(в % от числа тех, кто сказал, что имеет такую цель)*

1.	Служить народу, приносить пользу Родине	— 33,5
2.	Стать первоклассным специалистом, в совершенстве овладеть профессией	— 33,2
3.	Стать настоящим коммунистом, всесторонне развитым, высокоморальным человеком	— 15,6
4.	Стать деятелем литературы и искусства	— 5,9
5.	Создать хорошую семью, воспитать достойных детей	— 4,2
6.	Совершить открытие, сделать что-либо выдающееся	— 2,6
7.	Выгодно вступить в брак	— 2,3
8.	Стать знаменитым спортсменом	— 1,3
9.	Принять непосредственное участие в освоении космоса	— 0,8
10.	Совершить дальнейшее путешествие	— 0,7
11.	Иметь много денег, проводить жизнь в развлечениях и удовольствии	— 0,1

При этом 81,9% опрошенных считали, что добьются цели, 15,5% имели сомнения и лишь 2,6% в это не верили.

Второй опрос 6425 человек, проведенный через два года, в марте — апреле 1963 г., с целью определить мир ценностей советской молодежи, полностью подтвердил результаты первого (в % от общего числа опрошенных)³¹.

*Максимально частые ответы на вопросы анкеты**

1.	Событие века	Великая Октябрьская социалистическая революция	— 39,2
2.	Документ века	Программа КПСС, принятая в 1961 г.	— ПД

3.	Личность века	Владимир Ильич Ленин	— 98,2
4.	Подвиг века	Полет в космос Ю. А. Гагарина	— 67,0
5.	Научное открытие века	Расщепление атомного ядра	— 60,0
6.	Изобретение века	Искусственный спутник Земли	— 41,7
7.	Литературное произведение	Книги М. А. Шолохова	— НС
8.	Художественный фильм	Фильм М. И. Ромма «Девять дней одного года»	— НС
9.	Произведение искусства	Скульптура Е. В. Вучетича «Перекуем мечи на орала»	— НС
10.	Произведение архитектуры	Кремлевский Дворец съездов в Москве	— 43,2

* ПД — подавляющее большинство; НС — процент не подсчитан.

Ответы определенно свидетельствовали, что в сознании молодежи прочно укоренилась идея о том, что «любое советское, социалистическое по самому своему определению является высшим, лучшим, нежели все прочее — несоветское и несоциалистическое. <...> Данное представление — хотя в это трудно теперь поверить — не просто имело широкое хождение среди тогдашних россиян, но было принято многими из них на вооружение в качестве вполне доказанной истины, — пишет Б. А. Грушин. — В своей крайней, предельно резкой форме эта мощная социально-психологическая установка принимала вид: “советский человек, строящий коммунизм, — самое большое достижение земной цивилизации XX века”, и с тем или иным ее выражением — то ли вариативным, то ли буквальным — в опросе приходится сталкиваться десятки если не сотни раз»³².

В анкете данного опроса, как, впрочем, и других, не было пунктов, в которых бы напрямую, в лоб ставились вопросы о лояльности к существующему строю, доверии к власти или симпатии к лидерам. Однако исследование косвенно дало ответ и на эти вопросы. Если гордость, причем гордость не только за свою страну, но и за систему социализма как таковую — та самая знаменитая советская «собственная гордость», воспетая в свое время В. Маяковским, — являлась лейтмотивом ответов, то очевидно, что респонденты были лояльны к существующему в СССР строю, доверяли власти и партии. Потому что, обосновывая эту гордость, они ссылались на многочисленные конкретные социально-экономические, научно-технические, художественные, духовно-нравственные и иные достижения, которых, по их мнению, добилась страна за годы советской власти.

В августе — ноябре 1961 г. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» провел опрос 44 тыс. человек в 367 коллективах коммунистического труда (от небольших бригад, состоящих из нескольких рабочих, до крупных предприятий) с целью *подвести итоги движения и оценить его перспективы*. По предмету и богатству полученной информации исследование является уникальным в отечественной социологии. Впервые выяснялись взгляды

людей на коммунистический проект и на степень реальной включенности народных масс в собственно коммунистическую идеологию и практику той поры. Вот ответы на ключевые вопросы (в % от общего числа опрошенных)³³.

Что вы считаете своим главным достижением?

1.	Борьба за нового человека	— 73,2
2.	Воспитание коммунистического отношения к труду	— 34,8
3.	Воспитание коллективизма	— 31,3
4.	Рост профессионального мастерства	— 28,8
5.	Сочетание работы с учебой	— 17,1
6.	Укрепление трудовой дисциплины	— 10,9
7.	Преодоление плохих условий труда	— 9,5
8.	Овладение смежными профессиями	— 9,5
9.	Ликвидация брака и повышение качества продукции	— 7,9
10.	Освоение новейшей техники	— 6,5
11.	Преодоление мелкособственнических, религиозных и иных пережитков	— 4,1
12.	Улучшение поведения людей в быту	— 3,5
13.	Усиление общественной активности членов коллектива	— 2,2
14.	Трудностей не было	— 1,1

Какие изменения произошли в вашей жизни с тех пор, как вы избрали своей заповедью «Жить по-коммунистически»?

1.	В целом улучшились отношения между членами коллектива	— 73,2
2.	Повысилась общая культура людей (они стали больше учиться, читать, заниматься искусством)	— 66,2
3.	Укрепилась дружба членов коллектива, выросла их взаимопомощь	— 63,2
4.	Повысился идейно-политический уровень людей, их общественная активность	— 28,3
5.	Улучшилось поведение людей в быту (семье, общественных местах и др.)	— 24,0
6.	Выросло доверие людей друг к другу, в том числе в денежных делах (получение зарплаты без кассира и т. д.)	— 16,0

Опрос демонстрирует, что общая идеология, цели и средства построения коммунистического общества не вызывали у респондентов ни малейшего сомнения. Они верили в возможность построения коммунизма и были полны решимости осуществить «вековую мечту человечества». Участники опроса представляли «авангардные отряды» рядовых «строителей коммунизма», игравших роль массовых помощников КПСС и советского государства в деле коммунистического воспитания народа, в распространении среди широких народных масс освященных партией моделей сознания и поведения. Однако и в общей

численности рабочих, колхозников и интеллигенции верящие в коммунистический проект составляли явное большинство³⁴.

Опрос 12 104 человек в декабре 1961 г. — феврале 1962 г. о *проблемах семьи* выявил представления людей относительно того, что они считали *пережитками прошлого в быту*, от которых необходимо освободиться. Обработка анкет дала следующие результаты (в % от общего числа опрошенных)³⁵.

От каких пережитков прошлого, бытующих ныне, необходимо освободиться молодым семьям?

1. Мещанство, в том числе:	
а) дух стяжательства, материального расчета	— 37,8
б) отрыв от общественной жизни, ограниченность интересов кругом семьи	— 18,8
в) индивидуализм, эгоизм	— 7,3
г) дух паразитизма	— 5,4
д) погоня за модой, красивой жизнью	— 2,9
е) ханжество, лицемерие	— 2,1
ж) соглашательство, примиренчество	— 1,1
2. Вредные народные традиции (российский домострой, азиатские феодально-байские пережитки и т. п.)	— 32,3
3. Пьянство	— 25,3
4. Религиозные предрассудки	— 15,1
5. Ревность	— 14,5
6. Грубость, брань, побои	— 11,3
7. Супружеская неверность	— 6,0
8. Националистические предрассудки: шовинизм, национализм, антисемитизм	— 1,3

Многое из того, что считалось пережитками в 1960-е гг., в настоящее время стало нормой поведения. Характерно, что различные социально-демографические группы примерно одинаково оценивали важность отдельных пережитков: на первом месте стояло мещанство, на втором — вредные народные традиции, на третьем — пьянство.

Исследования общественного сознания обнаружили *ряд топосов в социально-политическом поведении* советских людей в 1960-е гг., которые разделялись преобладающим большинством населения³⁶. Перечислим их.

1. Приверженность советскому режиму и КПСС, которая отражалась в формуле «Народ и партия едины».

2. Безмерное доверие партии и ее вождям, к общему курсу и текущей политике.

3. Убеждение, что всякий прогресс в жизни общества, решение любых социальных, экономических, культурных и иных проблем — задача и дело рук исключительно партии и государства. Поразительная снисходительность

к предосудительным практикам государства, если они в конечном итоге шли на пользу народу.

4. Равнодушие людей относительно их роли в управлении; они удовлетворялись статусом «рядовых строителей коммунизма».

5. Вера в коммунистическую перспективу и идею, которая являлась квинт-эссенцией, основным стержнем духовной и материальной, исторической и будничной, публичной и частной жизни людей.

6. В центре интересов людей находились советское общество, советский народ, страна; общегражданская позиция превалировала над частной, а личная заинтересованность пасовала перед государственными интересами в случае их несовпадения.

7. Патриотизм: любое советское, социалистическое по самому своему определению считалось высшим, лучшим, нежели все прочее — нес советское и несоциалистическое.

8. Общественное сознание отличалось монолитностью, соответствием и системностью всех его содержательных элементов. Высоко ценились единомыслие и единогласие.

9. Мир вещей в общественном сознании стоял ниже мира идей. Из числа общечеловеческих ценностей наиболее значимыми были благополучие Родины, высокая духовность, нравственность и мир на Земле.

10. Русоцентризм — представители всех народов СССР относились к русской культуре с пиететом, считали произведения русских авторов в литературе, кино, музыке, искусстве высшими достижениями мировой культуры.

11. Высокая креативно-творческая активность как в отношении различного рода инициатив, так и в отношении межличностного общения.

12. Приверженность идеологии, системе ценностей, нормам и правилам политического поведения своих отцов и дедов, которые делали революцию и укрепляли советскую власть.

Полученные в ходе опросов данные, на мой взгляд, заслуживают доверия. Во-первых, они относятся к периоду хрущевской оттепели (середина 1950-х — середина 1960-х гг.), когда культ личности Сталина и репрессии 1930-х гг. были решительно осуждены, политические заключенные освобождены, лагеря ликвидированы, политическая и общественная жизнь отличалась относительной либерализацией, открытостью западному миру, некоторой свободой слова, большей свободой творческой деятельности, и — что очень важно в контексте веры в коммунистический проект — страх репрессий за неконформизм минимизировался. В опросах можно было высказывать свою точку зрения без опасений.

Во-вторых, социологи сами оценили достоверность полученных в ходе соцопросов результатов — провели в 1968–1969 гг. несколько исследований, посвященных проблеме откровенности респондентов при опросах по социальным проблемам городской жизни. Вот некоторые итоги опроса 1020 респондентов (в % от общего числа опрошенных; в источнике они распределены по 21 социально-демографической группе, но вариация в ответах небольшая)³⁷.

Насколько откровенно люди высказываются «вслух» по проблемам городской жизни?

Откровенность:	
большая	— 39
умеренная (средняя)	— 32
малая	— 6
Затруднились оценить	— 23

От чего в первую очередь зависит уровень этой откровенности?

1.	От уверенности в компетентности, грамотности своих высказываний	— 13
2.	От уверенности в том, что их высказывания совпадают с официальной точкой зрения	— 7
3.	От уверенности в важности, значимости своих высказываний, даже если они не совпадают с официальной точкой зрения	— 15
4.	От уверенности в том, что их высказывания могут быть полезны и учтены при принятии решений по соответствующей тематике	— 33
5.	Затруднились ответить	— 32

Как видим, высокую и умеренную откровенность при опросах отметили 71 % респондентов, опасения за откровенность испытывали, вероятно, лишь 7 %.

В-третьих, выводы соцопросов получили подтверждение в работах, основанных на других источниках. Например, в монографии А. А. Фокина, посвященной представлениям о коммунистическом будущем, существовавших в официальном дискурсе и массовом сознании на рубеже 1950–1960-х гг. На основе анализа материалов СМИ, художественных текстов, писем во власть и фольклора он пришел к выводу о том, что коммунистический миф разделялся преобладающим большинством населения³⁸. Репрезентативность соцопросов первой половины 1960-х гг. косвенно подтвердил Ю. В. Аксютин на основе опросов, эго-документов и анализа писем трудящихся наверх³⁹.

Монолитность советского общества не исключала плюрализма в оценках, мнениях и поведении, а также сомнений и недовольства. Однако критика была сугубо прагматической, относилась к отдельным аспектам жизни и деятельности государственных институтов местного уровня, исходила из уверенности, что в высших эшелонах власти полный порядок и там можно найти управу на местных чиновников. Она не поднималась до обобщений, касавшихся социалистического строя, и не ставила под сомнение тезис, согласно которому социализм превосходит систему капитализма и потому несомненно заслуживает полной поддержки⁴⁰.

Итак, социологические опросы первой половины 1960-х гг. определенно свидетельствуют о полной лояльности народа к советской власти, о почти единомудном убеждении людей в том, что именно эта власть наилучшим способом

учитывает их интересы и желания. Отсюда следует: советская власть полностью соответствовала критериям легитимности и, значит, была легитимной.

Можно ли выводы об отношении населения к советской власти и социалистическому проекту распространить на послевоенный и довоенный периоды? Предполагаю, что можно. Во-первых, в соцопросах начала 1960-х гг. принимали участие люди всех возрастов, в том числе и те, кто жил, работал и голосовал в 1920–1940 гг. При анализе соцопросов респондентов разделяли на три возрастные группы: до 30 лет, 30–55 лет, 56 лет и старше. По сути, мы получили мнения трех поколений советских граждан по всем заданным вопросам. Если брать за точку отсчета 1960 г., первое поколение вступило во взрослую жизнь и получило избирательное право (с 18 лет) до 1922 г., второе — в 1923–1948 гг., третье — с 1949 г. Первое и второе поколения сформировались до Великой Отечественной войны и отражали общественное сознание той эпохи. Анализ анкет приводит к выводу, что мнения трех поколений по всем опрашиваемым вопросам были близки, по общественной активности первое и второе даже превосходили третье. Это позволяет сделать вывод о преемственности политического и идеологического менталитета отцов и детей: «Чрезвычайно любопытно и поучительно сопоставление высказываний (молодых. — Б. М.) участников опроса и представителей старшего поколения. При всех существенных различиях в уровнях интеллекта и житейского опыта многие содержательные и лексические элементы в суждениях “детей” и “отцов” — одни и те же. И это заставляет еще раз убедиться в верности формулы насчет яблока, которое от яблони недалеко падает»⁴¹.

Во-вторых, для оценки влияния шести характеристик опрошенных (возраста, пола, образования, рода занятий, типа поселений и социального статуса) на их мнения социологи использовали коэффициент дифференциации, который показывает, какие характеристики респондентов выступали в качестве ведущих факторов различия их суждений. Оказалось, что возраст имел, как правило, наименьший вес сравнительно с другими факторами, что подтверждает вывод: три поколения мало различались по своим политическим представлениям и предпочтениям⁴².

В-третьих, изучение политического сознания трудящихся 1920–1930-х гг. приводит к выводу, что оно было постепенно перековано по большевистским лекалам⁴³. В постсоветской историографии заметные исследования на эту тему написаны С. В. Яровым. Им изучены основные этапы становления и важнейшие лаборатории реформирования рабочих, крестьян, интеллигенции в Советской России в 1917–1920-е гг. Показано, как менялись формы сотрудничества различных социальных слоев с властями, с помощью каких инструментов упрочивалась лояльность масс, каковы механизмы рецепции советских идеологических моделей в общественном сознании населения⁴⁴.

Во-второй половине 1960–1970-х гг. соцопросы обнаружили некоторые изменения и трещины в монолитном общественном просоциалистическом сознании населения⁴⁵, суть которых выражалась в следующем.

1. Появились сомнения в верховенстве общественных, коллективных интересов над интересами частными, индивидуальными.

2. Наметился отход масс от всего так называемого коммунистического, социалистического — будь то предметы интересов, нормы морали, модели поведения, стили жизни, способы межличностного общения, реакции на те или иные события и т. п.

3. Обнаружилось снижение доверия к органам управления, институтам власти.

4. Усилились негативные оценки положения дел в стране.

5. Распространилось «двоемыслие» (многие стали одновременно держаться двух противоположных убеждений — просоциалистических и каких-нибудь иных).

6. Значительно увеличилось число граждан (до 17%), не проявлявших интереса к обсуждаемым предметам, а то и в принципе стоявших в стороне от любой общественной деятельности. В опросах они составляли корпус людей, не отвечавших на предлагаемые вопросы.

7. Массовое понимание социалистической демократии обогатилось новыми смыслами — реальным участием народа в управлении и расширением гласности.

Высказывавшиеся респондентами критические суждения в подавляющем большинстве случаев касались частных моментов, имели сугубо «точечный» характер и не содержали попытки сделать из них какие-то общие выводы. Новые явления находились в зачаточном состоянии, их носители были немногочисленны. Безграничная лояльность большинства граждан к обществу и государству сохранялась⁴⁶. «Широкие массы населения явно не владели даже азами борьбы за свои интересы и, главное, не понимали, что реальной альтернативой тоталитарному правлению может быть лишь гражданское общество. Поэтому их протестная позиция не содержала никакой реальной угрозы существовавшей власти, во всяком случае была очень далека от того, чтобы считаться оппозицией ей. <...> По очень многим параметрам тогдашнее советское общество исторически еще не было готово к остро необходимым для него общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям, причем не готово ни на полюсе власти, ни на полюсе масс, ни в отношении понимания существа грядущих изменений, ни в отношении способов и форм их реализации, и... несмотря на эту неготовность, движение к такого рода переменам уже началось и явно набирало силу. Это означает, что с исторической точки зрения застойное время было временем далеко не потерянным, что оно отмечало отнюдь не остановку в развитии советского социалистического общества, а его вступление в последнюю стадию жизни, неминуемо завершившуюся его гибелью»⁴⁷.

Выводы социологических опросов 1960–1985 гг., проведенных под руководством Б. А. Грушина, нашли поддержку. Известный социолог В. Э. Шляпентох, исследователь и знаток общественного мнения в 1960–1970-е гг., утверждал: «К 1985 году большинство населения страны верило в преимущества планового хозяйства, общественной собственности на средства производства, верило в культурное, моральное превосходство Советского Союза над Западом. Глубоко верило, было глубоко патриотично и вполне искренне под-

держивало внешнюю политику советского правительства. Даже Афганистан». Гражданского общества, по его мнению, не существовало: «Для меня понятие “общество” звучит как-то фальшиво. Были население страны, его отдельные группы, интеллигенция, массы. Вот это для меня реальные понятия, имеющие отношение к тому периоду»⁴⁸. В 2000 г. 25 известных публицистов, редакторов и ученых, большинство из которых являлись властителями дум в 1959–1989 гг., дали интервью о роли прессы в обществе во второй половине XX в., которые показали, что в 1959–1985 гг. все опрошенные были «за социализм с человеческим лицом»⁴⁹. Даже те, кто, как И. С. Кон, «развивая идеи “гуманного социализма”, не знал, как их можно осуществить и реальны ли они вообще»⁵⁰. В 1985–1990 гг. скрываемое недовольство и разочарование народа изверглось наружу, как казалось, навсегда похоронив социалистические иллюзии. Однако в 1989 г. на выборах Съезда народных депутатов за коммунистов проголосовало 83 % избирателей. Это, несомненно, говорит о том, что коммунисты и социалистический проект еще пользовались доверием большинства избирателей. Отметим, что с начала XXI в. этот проект вновь, и с каждым годом все больше, привлекает внимание граждан и властей.

Подведем итоги

Социологические опросы и другие источники, а также электоральная статистика показывают, что советская власть отвечала главным критериям легитимности. В 1918–1929 гг. большинство избирателей (а в 1931–1989 гг. не менее 83 %) были лояльны советской власти, доверяли коммунистам, общему курсу и текущей политике, удовлетворялись статусом рядового строителя социализма и верили в социалистический проект.

Официальные сведения о явке и голосовании заслуживают доверия, хотя и имеют недостатки. До 1936 г. на выборах в Советы учитывалась только явка избирателей, которая рассматривалась тогда как синоним поддержки официальных кандидатов партии власти. Судя по явке избирателей, можно предположить, что в 1922–1925 гг. большинство населения не поддерживало коммунистов на выборах, в 1926–1928 гг. за них было около половины. Перелом наступил в 1926–1934 гг., когда явка достигла 85 %. Поскольку начиная с 1925 г. депутаты партии власти при голосовании получали большинство, явка превышала минимальный порог в 35 % и результаты голосования сколько-нибудь заметных протестов не вызывали, есть основание признать выборы действительными и легитимными. До 1925 г. порог явки законом не устанавливался, поэтому, несмотря на низкую явку, нет формальных оснований и выборам 1918–1924 гг. отказывать в легитимности (хотя, вероятно, большинство населения — не избирателей! — в эти годы большевиков не поддерживало). Это предположение подтверждается тем фактом, что на всероссийских съездах Советов в 1917–1925 гг. и всесоюзных съездах Советов в 1922–1925 гг. коммунисты имели большинство мандатов. В 1937 г. явка выросла до 97 %, кандидаты правящей партии получили 99 % голосов, и в последующие годы их успехи на выборах до 1989 г. росли.

Широкая поддержка Советов не исключала протестного голосования (неявка, порчу бюллетеней, голосование против), на которое власти смотрели как на барометр общественных настроений. Участковые комиссии в обязательном порядке собирали все надписи на избирательных бюллетенях и все опущенные в урны записки и передавали их в местные партийные органы. Заметки тщательно изучались и в обобщенном виде отправлялись наверх, вплоть до ЦК. Эти сводки хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории и доступны для изучения⁵¹. Нет сведений, что компетентные органы вычисляли и брали на учет авторов надписей и записок, а также абсентеистов. Протестное голосование до 1989 г. находилось в интервале 1–5 % и только в 1989 г. достигло 22 %.

На результаты выборов оказывали влияние избирательные законы, пропаганда, контроль за ходом голосования, электоральные технологии. Однако абсолютно чистых выборов нигде и никогда не происходило и не происходит. Легитимность власти в любой цивилизованной стране поддерживалась развитой пропагандой, и в СССР она не была более мощной, чем, например, в США или Германии⁵².

Проведенное исследование позволяет предположить, что до середины 1989 г. доверие народа к советской власти обеспечивалось не столько пропагандой и репрессивной политикой в отношении нонконформистов, сколько, во-первых, достижениями СССР, которые считались большинством населения реальными, значительными и заслуживающими уважения; во-вторых, верой в социалистический проект; в-третьих, особенностями политической культуры крестьянства и пролетариата, унаследованной с дореволюционных времен. С точки зрения народа, он взаимодействовал с властью и участвовал в управлении. Обсуждение проекта последней советской Конституции в 1977 г. показало, что советские люди воспринимали дискуссию как действенный механизм взаимодействия с властью, как реальную возможность решить насущные проблемы жизни и потому предлагали зафиксировать в тексте Конституции собственные предложения относительно того, как должно быть устроено общество⁵³. Советы всех уровней включали миллионы представителей трудящихся: в 1926 г. число депутатов составляло 1294 тыс., в 1939 г. — 1277 тыс., в 1961 г. — 1822 тыс., в 1985 г. — 2305 тыс.⁵⁴ Учитывая ротацию, за годы советской власти в их работе принимало участие около 25–30 млн человек.

Социалистический проект казался большинству советских людей привлекательным и исполнимым, а не грандиозным мифом, гигантской пропагандистской акцией или авантюрой всемирно-исторического масштаба.

Сделанные выводы носят в большей или меньшей степени *вероятностный* характер и нуждаются в подтверждении на массовых источниках. Отмечу несколько проблем, которые, на мой взгляд, заслуживают особенного внимания.

Необходимо расширение базы электоральной статистики советского периода, применение современных количественных методов при ее анализе⁵⁵, измерение и оценка протестного голосования; изучение работы избирательных комиссий всех уровней, процесса голосования и подсчета голосов.

Необходимо понять политические представления разных слоев населения, особенно в 1920–1930-е гг., в 1941–1959 гг. и в 1980-е гг., причины дли-

тельного сохранения веры в социалистический проект и возможность его реализации и факторы, способствовавшие сначала разочарованию, потом утрате веры, а в постсоветское время росту симпатии к проекту.

Актуальной проблемой представляется и психология российских избирателей: как и почему они участвовали в выборах и за кого и почему голосовали? Как голосовали — умом или сердцем, под влиянием страха или надежды, веры или безразличия, ногами или руками? Электоральное поведение неграмотных или полуграмотных людей имеет специфику, так как они не понимают абстрактных политических программ, не разбираются в политике, политических стратегиях и интригах, действуют интуитивно, по настроению и эмоционально, руководствуясь почти исключительно личным опытом⁵⁶. Среди российских избирателей в 1926 г. было 52 % неграмотных, в 1937 г. — 28 %, а среди 72 % грамотных большинство имело лишь начальное образование⁵⁷.

Серьезную проблему представляет применение современных критериев измерения демократичности и легитимности политического режима и выборов, выработанных на основе новейшей европейской политической практики (причем в странах с долгой традицией парламентаризма), к обществам традиционным, модернизирующимся или неевропейским⁵⁸. Советская политическая система не отвечала критериям либеральной западной демократии. Однако в политологии демократией считается политический режим, основывающийся на законах и нормах, которые большинство населения считает правильными и необходимыми для существования и развития общества и государства. Поскольку советская власть опиралась на законы и нормы, соответствующие народной политической культуре, а население в своеобразной форме принимало участие в управлении, этот строй нельзя считать антинародным или антидемократическим; его можно признать специфической формой демократии. В политологии различают первобытную, античную, британскую, американскую и другие формы демократии, которые не удовлетворяют всем критериям либеральной демократии. Например, в Британии — стране классического парламентаризма — в XVIII–XIX вв. избирательные права имели несколько процентов населения, в США в конце XVIII — первой половине XIX в. демократия сосуществовала с рабством, в котором пребывало до четверти населения в рабовладельческих штатах. Но все это не мешает считать эти политические режимы демократическими. Объективность требует признать, что в СССР также существовала специфическая форма демократии, которую можно назвать *демократией общинного типа*. Она сложилась задолго до революции 1917 г. как естественная форма самоуправления в деревне в условиях низкого уровня развития производства, натурального и полунатурального хозяйства, уравнительного распределения, совместного владения и пользования землей, превалирования коллективного труда, круговой поруки и слабой имущественной и социальной дифференциации внутри общины⁵⁹. С современной точки зрения это была демократия, напоминающая многими своими чертами первобытную демократию. Однако в СССР на ее принципах функционировали Советы всех уровней.

- ¹ Социальная статистика / под ред. И. И. Елисейевой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 458.
- ² *Панков С. А.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 3–15.
- ³ *Павлова И. В.* 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Там же. 2003. № 10. С. 19–37.
- ⁴ *Керимов А. А.* Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 81–91.
- ⁵ *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 147–156. См. также: *Аврутина Л. Г.* Легитимация политической власти в России: история и современность. Тула, 2002; *Куринов С. А.* Проблема легитимности политической власти в истории и теории политической науки: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 138–143.
- ⁶ Под явкой имеется в виду число или доля проголосовавших от общего числа избирателей, т. е. лиц, официально имевших право голоса; под проголосовавшими за — число или доля проголосовавших за официальных кандидатов (от партии власти; с 1937 г. они стали называться блоком коммунистов и беспартийных) от числа всех проголосовавших; под проголосовавшими против — число или доля проголосовавших против официальных кандидатов.
- ⁷ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. Предварительные итоги: [Стат. материалы]: в 2 ч. Ч. 1. М., 1926. С. 1–2.
- ⁸ *Журавлев В. П., Фортунатов В. В.* Избирательная система и выборы в РСФСР в 1918–1936 гг.
- ⁹ Избирательная кампания по РСФСР. Вып. 2: в 1924–1925 году (Предварительные итоги). 1925. С. 3; *Саламатова М. С.* Отмена выборов 1924 года в Советской России: новые материалы и интерпретации // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 53–66. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19047 (дата обращения: 06.05.2021).
- ¹⁰ *Белоновский В. Н., Белоновский А. В.* Представительство и выборы в России с древнейших времен до XVII века: (Теория, история, практика). М., 1999. С. 7.
- ¹¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 141.
- ¹² *Демин А.* Одобряем и поддерживаем. Как голосовали на безальтернативных выборах в СССР // Агентство актуальной информации «Телеграф»: интернет-газета. 2018. 15 марта. URL: <https://rustelegraph.ru/news/2018-03-15/Odobryaem-i-podderzhivaem-Kak-golosovalina-bezal'ternativnykh-vyborah-v-SSSR-79220> (дата обращения: 28.04.2021); *Камакин А.* Безальтернативная реальность: как фальсифицировались выборы в СССР // МК.ru: [сайт]. 17 октября 2016. URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/10/16/bezal'ternativnaya-realnost-kak-falsifitsirovalis-vybory-v-sssr.html> (дата обращения: 28.04.2021).
- ¹³ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд., испр. СПб., 2018. Т. 3. С. 405.
- ¹⁴ *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 294.
- ¹⁵ Там же. С. 295–296.
- ¹⁶ *Михалев Н. А., Пьянков С. А.* Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95–105.
- ¹⁷ Выборы в Советы в Союзе ССР 1934–1935 г. М., 1935. С. 82–88; *Журавлев В. П., Фортунатов В. В.* Избирательная система и выборы в РСФСР в 1918–1936 гг.; *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конце 1930-х гг.). Новосибирск, 1998. С. 12–23. URL: http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1 (дата обращения: 21.08.2018); *Саламатова М. С.* Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2018. С. 76–77, 90, 95, 103, 108.
- ¹⁸ *Венямина А. А.* Избирательный процесс в советском государстве: 1917 — начало 1990-х гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008; *Меликова Н. М.* Исторический опыт функционирования советской избирательной системы, 1936–1985 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

¹⁹ *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 371–374.

²⁰ *Миронов Б. Н.*: 1) Когда в России жилось хорошо: эпизод четвертый: 1921–1930 гг. // *Родина*. 2008. № 7. С. 21–25; 2) Когда в России жилось хорошо: эпизод пятый: 1931–1945 гг. // Там же. № 8. С. 14–19.

²¹ Валовой внутренний продукт уменьшился в 2,6 раза и упал до уровня 1870-х гг., доходы городского населения понизились в 2,7 раза (*Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 22; *Миронов Б. Н.* Российская модернизация и революция. С. 113).

²² *Селюнин В., Ханин Г.* Лукавая цифра // *Новый мир*. 1987. № 2. С. 181–201; *Ханин Г. И.*: 1) Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // *Коммунист*. 1988. № 17. С. 83–90; 2) Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991.

²³ Доклад ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н. А. Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения // *Советская жизнь*. 1945–1953 гг. М., 2003. URL: <https://istmat.info/node/18419> (дата обращения: 26.04.2021); Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 10, 511; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 6, 470.

²⁴ *Миронов Б. Н.*: 1) Антропометрическая история России XVIII–XX веков: теория, методика, источники, первые результаты // *Труды Института российской истории* / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005. С. 173–205; 2) Экономическая биология человека // *Вопросы экономики*. 2004. № 10. С. 141–150.

²⁵ *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4-х кн. М., 2001. Последний том «Эпоха Горбачева» остался незавершенным.

²⁶ *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Хрущева. С. 109–111.

²⁷ Там же. С. 125, 138–140.

²⁸ *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Брежнева. Ч. 1. С. 354–357.

²⁹ *Миронов Б. Н.* Отношение к труду в дореволюционной России // *Социологические исследования*. 2001. № 10. С. 99–108.

³⁰ *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Брежнева. Ч. 1. С. 179, 185–186.

³¹ Там же. С. 402.

³² Там же. С. 420.

³³ Там же. С. 240, 242.

³⁴ Там же. С. 252, 255–256, 279.

³⁵ Там же. С. 294.

³⁶ Там же. С. 221, 416, 420, 430, 506; *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Брежнева. Ч. 2. С. 842–843.

³⁷ *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Брежнева. Ч. 2. С. 653.

³⁸ *Фокин А. А.* «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Челябинск, 2012. С. 164, 177.

³⁹ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 3–15, 479–487.

⁴⁰ *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Хрущева. С. 865–866.

⁴¹ *Грушин Б. А.*: 1) Четыре жизни России. Эпоха Брежнева. Ч. 1. С. 199; 2) Эпоха Хрущева. С. 221.

⁴² *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Хрущева. С. 189, 268, 342, 343, 480.

⁴³ *Баранова Н. Б.* Власть и воздействие на массовое сознание в 1930-е годы XX века (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; *Добренко Е.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997; *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 1999; *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма: политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М., 2013; *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 60. URL: <http://>

magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html (дата обращения: 03.05.1921); *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010; *Орлова И.Б., Лившина А.Я.* Социологический анализ «писем во власть» // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 80–88; Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.) / Н.Б. Арнаутов, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов [и др.]; отв. ред. С.А. Красильников. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018; *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М., 2001.

⁴⁴ *Яров С.В.*: 1) Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006; 2) Человек перед лицом власти, 1917–1920-е гг. М., 2014.

⁴⁵ *Грушин Б.А.* 1) Четыре жизни России. Эпоха Хрущева. С. 110, 418, 427–428; 2) Эпоха Брежнева. Ч. 2. С. 842, 844, 850–852, 855–856, 860–862, 871–873.

⁴⁶ *Грушин Б.А.* Четыре жизни России. Эпоха Брежнева. Ч. 2. С. 844, 846, 876–877.

⁴⁷ Там же. С. 878.

⁴⁸ *Шляпентох В.Э.* «Я знал, что думают читатели “Известий”, “Правды”, “Труда”, “Литературной газеты”» // Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / авт. и исполн. проекта А.И. Волков, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолук. М., 2000. С. 120.

⁴⁹ Пресса в обществе (1959–2000). — Интервью давали: Р.Н. Аджубей, А.Б. Борин, И.И. Виноградов, А.И. Волков, Е.Т. Гайдар, А.Т. Гладилин, Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, И.С. Кон, В.А. Коротич, О.Р. Лацис, Ю.А. Левада, Г.С. Лисичкин, Э.М. Максимова, С.Б. Пархоменко, И.Е. Петровская, Ю.П. Сенокосов, А.К. Симонов, Л.В. Степанов, Р.С. Шакуров, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов, Е.В. Яковлев, О.Н. Яницкий.

⁵⁰ *Кон И.С.* «Каждая новая публикация поднимала планку возможного» // Пресса в обществе. С. 142.

⁵¹ *Аксютин Ю.В.* Надписи на избирательных бюллетенях как выражение общественных настроений в СССР // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы науч.-практ. конференций [Чусовой, 12–14 сент. 1995 г., 9–11 сент. 1996 г. / отв. ред. Л.А. Обухов]. Пермь, 1998. С. 84–88.

⁵² *Миронов Б.Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146.

⁵³ *Стрекалов И.Н., Фокин А.А.* «Каждая строка проекта новой конституции проникнута заботой о советском человеке»: представления о справедливости и морали в обсуждении проекта конституции 1977 г. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 170.

⁵⁴ Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. [Сводные цифровые итоги выборов]. М., 1928. С. 48, 64; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов 1985 г. С. 246–249.

⁵⁵ Социальная статистика. С. 459–468.

⁵⁶ *Миронов Б.Н.* Российская модернизация... С. 338–341.

⁵⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 28, 40; *Миронов Б.Н.* Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62–95.

⁵⁸ *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М., 2002. С. 191–210 (условия демократии), 247–276 (измерение демократии).

⁵⁹ *Миронов Б.Н.* Российская империя. Т. 2. С. 179–184.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2021 г.

Рекомендована к печати 20 ноября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Миронов Б. Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 8–38. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.101>

Аннотация: Электоральная статистика СССР заслуживает доверия, хотя, возможно, несколько занижает масштабы протестного голосования (неявку, порчу бюллетеней, голосование против). На результаты выборов оказывали влияние избирательные законы, пропаганда, контроль за ходом голосования, избирательные технологии. Однако абсолютно чистых выборов нигде и никогда не происходило и не происходит. Легитимность власти в любой цивилизованной стране поддерживалась развитой пропагандой, и в СССР она не была более мощной, чем, например, в США или Германии. Социологические опросы и электоральная статистика показывают, что советская власть в 1918–1989 гг. отвечала главным критериям легитимности: 1) граждане страны признавали за властью право господствовать и управлять в соответствии с установленными или принятыми в обществе правилами, нормами и традициями, а за собой обязанность повиноваться, 2) граждане доверяли власти, полагая, что она осуществляет морально обоснованное, необходимое и законное господство и управление в их интересах. Однако, судя по явке избирателей, можно предположить, что в 1922–1925 гг. большинство населения не поддерживало коммунистов на выборах, в 1926–1928 гг. за них было около половины. Перелом наступил в 1926–1934 гг., когда явка достигла 85%. Поскольку начиная с 1925 г. а) депутаты партии власти при голосовании получали большинство, б) явка превышала минимальный порог в 35%, в) результаты голосования сколько-нибудь заметных протестов не вызывали, было основание признать выборы действительными и легитимными. До 1925 г. порог явки законом не устанавливался, поэтому, несмотря на низкую явку, нет формальных оснований и выборам 1922–1924 гг. отказывать в легитимности (хотя, вероятно, большинство населения — не избирателей! — в эти годы большевиков не поддерживало). В 1937 г. явка выросла до 97%, кандидаты правящей партии получили 99% голосов, и в последующие годы их успехи на выборах до 1989 г. росли. Проведенное исследование позволяет предположить, что до 1989 г. доверие народа к советской власти обеспечивалось не столько ограничительно-дискриминационными технологиями и пропагандой, сколько, во-первых, достижениями СССР, которые считались большинством населения реальными, значительными и заслуживающими уважения, во-вторых, верой в социалистический проект, в-третьих, политической культурой крестьянства и пролетариата, унаследованной с дореволюционных времен. С точки зрения народа, он взаимодействовал с властью, участвовал в управлении и вместе с нею реализовывал социалистический проект, который казался большинству советских людей привлекательным и исполнимым, а не грандиозным мифом, гигантской пропагандистской акцией или авантюрой всемирно-исторического масштаба.

Ключевые слова: легитимность, советская власть, электоральная статистика, социологические опросы, избирательные законы, пропаганда, голосование, выборные технологии, СССР.

Сведения об авторе: Миронов Б. Н. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mironov1942@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Mironov B. N. 'On the Illegitimacy of the Soviet Power', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 1, 2022, pp. 8–38. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.101> (In Russian)

Abstract: Sociological polls and other sources, as well as electoral statistics, show that Soviet power in 1918–1989 met the main criteria for legitimacy. In 1918–1929, the majority of voters, and in 1931–1989 over 83% of the electorate, were loyal to the Soviet regime, trusted the communists and the general course and current policy, were satisfied with the status as ordinary builders of socialism, and believed in the socialist project. Official information on turnout and voting is trustworthy, although it has serious shortcomings and likely underestimates the

scale of the protest vote (failure to appear, damage to ballots, voting against). Election results were influenced by electoral laws, propaganda, and control over the course of voting. However, clean elections have never happened anywhere. The legitimacy of power in any civilized country was supported by developed propaganda, and in the USSR it was not more powerful than, for example, in the USA or Germany. The study allows us to assume that until the mid-1980s the people's confidence in Soviet power was ensured not so much by propaganda as, first, by achievements of the USSR, which were considered by the majority of the population to be real, significant, and deserving of respect; second, by faith in the socialist project; and third, by peculiarities of political culture of the peasantry and the proletariat inherited from pre-revolutionary times. From their perspective, the people interacted with authorities and participated in management. The socialist project for only a small minority represented only a grandiose myth, a gigantic propaganda campaign, and an adventure or scam of world-historical scale.

Keywords: legitimacy, Soviet power, electoral statistics, sociological polls, electoral laws, propaganda, voting, electoral technologies, USSR.

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-09-00353 "The disintegration of the Soviet Union in the human dimension: an interdisciplinary study".

Author: *Mironov B. N.* — Dr. Sci. in History, Professor, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia); mironov1942@yandex.ru

St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

References:

- Aksiutin Yu. V. 'Inscriptions on electoral ballots as an expression of public sentiments in the USSR' in *Totalitarizm v Rossii (SSSR) 1917–1991 gg.: opozitsiia i repressii: materialy nauch.-prakt. konferentsii [12–14 sept. 1995, 9–11 sept. 1996, Chusovoi]*, ed. by L. A. Obukhov (Perm, 1998). (In Russian)
- Aksiutin Yu. V. *Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964*. (Moscow, 2004). (In Russian)
- Avrutina L. G. *Legitimation of political power in Russia: History and modernity* (Tula, 2002). (In Russian)
- Baranova N. B. *Power and its impact on mass consciousness in the 1930s of the 20th century (on the materials of the Middle Volga region)* [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 1997). (In Russian)
- Belonovsky V. N., Belonovsky A. V. *Representation and elections in Russia from ancient times to the 17th century: (Theory, history, practice)* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Dobrenko E. A. *The shaping the Soviet reader: Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature* (St Petersburg, 1997). (In Russian)
- Dogan M. 'Legitimacy of regimes and the crisis of trust', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, 1994. (In Russian)
- Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (Moscow, 2001). (Rus. Ed.)
- Fokin A. A. "Communism is not far off": *Images of the future in the power and the population of the USSR at the turn of the 1950s and 1960s* (Chelyabinsk, 2012). (In Russian)
- Gregory P. *Economic growth of the Russian Empire (end of 19th — beginning of the 20th century): New estimates and calculations* (Moscow, 2003). (Rus. Ed.)
- Grushin B. A. *Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls: Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin*: in 4 books (Moscow, 2001–2006). (In Russian)
- Iliukhov A. A. *How the Bolsheviks paid: The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Kamakin A. 'Non-alternative reality: how the elections in the USSR were falsified. "Cut yourself on the nose, gentlemen, the figure — 92.83 percent..."', *Moskovsky Komsomolets*, 17 October 2016. (In Russian)
- Kedrov N. G. *Russian Stalinist bast shoes: The political consciousness of the Russian North peasantry in the 1930s* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Kelly K. "'Little citizens of a big country": Internationalism, children and Soviet propaganda', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 60, 2003. (In Russian)
- Kerimov A. A. 'Legitimacy of political power: Problems of definition and basic theoretical models', *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta*. Ser. 3: *Obshchestvennye nauki*, no. 1 (137), 2015. (In Russian)

- Khanin G. I. 'Economic growth of the Soviet economy: An alternative assessment', *Kommunist*, no. 17, 1988. (In Russian)
- Khanin G. I. *Dynamics of economic development of the USSR* (Novosibirsk, 1991). (In Russian)
- Kon I. S. "Each new publication raised the bar of the possible" in *Pressa v obshchestve (1959–2000). Otsenki zhurnal'istov i sotsiologov. Dokumenty*, auth. A. I. Volkov, M. G. Pugacheva, S. F. Iarmoliuk (Moscow, 2000). (In Russian)
- Krasilnikov S. A. *At the breaks of the social structure. Marginal people in post-revolutionary Russian society (1917 — late 1930s)* (Novosibirsk, 1998). (In Russian)
- Kurinov S. A. *The problem of the legitimacy of political power in the history and theory of political science* [Candidate of Political Sciences Dissertation] (Moscow, 2003). (In Russian)
- Livshin A. Ya. *Moods and political emotions in Soviet Russia 1917–1932* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Melikova N. M. *Historical experience of the functioning of the Soviet electoral system, 1936–1985* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2001). (In Russian)
- Mikhalev N. A., Pyankov S. A. 'Refugees of the First World War in the Russian Empire: number, location, composition', *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 4 (49), 2015. (In Russian)
- Mironov B. N. 'Anthropometric history of Russia of the 18th–20th centuries: Theory, methodology, sources, first results' in *Trudy Instituta Rossiiskoi istorii*, ed. by A. N. Sakharov (Moscow, 2005). (In Russian)
- Mironov B. N. 'Attitude towards work in pre-revolutionary Russia', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, 2001. (In Russian)
- Mironov B. N. 'Cultural capital of Russia for a thousand years', *Ekonomicheskaiia politika*, no. 1, 2013. (In Russian)
- Mironov B. N. 'Economic biology of man', *Voprosy ekonomiki*, no. 10, 2004. (In Russian)
- Mironov B. N. 'Has Postmodernism come to Russia? Notes on the anthology "American Russian Studies"', *Otechestvennaia istoriia*, no. 3, 2003. (In Russian)
- Mironov B. N. *Russian modernization and revolution* (St Petersburg, 2019). (In Russian)
- Mironov B. N. *The Russian Empire: From tradition to Modernity*: in 3 vols., 2nd ed., rev. (St Petersburg, 2018). (In Russian)
- Mironov B. N. 'When life was good in Russia: The fourth episode: 1921–1930', *Rodina*, no. 7, 2008. (In Russian)
- Mironov B. N. 'When life was good in Russia: The fifth episode: 1931–1945', *Rodina*, no. 8, 2008. (In Russian)
- Orlov I. B., Livshin A. Ya. 'Sociological analysis of "Letters to Power"', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, 1999. (In Russian)
- Papkov S. A. 'Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937. Introduction of Soviet electoral manipulation', *Voprosy istorii*, no. 11, 2016. (In Russian)
- Pavlova I. V. '1937: Elections as a hoax, terror as a reality', *Voprosy istorii*, no. 10, 2003. (In Russian)
- Press in Society (1959–2000). Assessments of journalists and sociologists. Documents*, auth. A. I. Volkov, M. G. Pugacheva, S. F. Iarmoliuk (Moscow, 2000). (In Russian)
- Salamatova M. S. 'Cancellation of the 1924 elections in Soviet Russia: New materials and interpretations', *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, no. 1, 2017. (In Russian)
- Salamatova M. S. *Elections in Soviet Russia: Legislation and implementation practice (1918–1936)*, 2nd ed. (Novosibirsk, 2018). (In Russian)
- Seliunin V., Khanin G. 'Sly figure', *Novyi mir*, no. 2, 1987. (In Russian)
- Shliapentokh V. E. "I knew what the readers of 'Izvestiia', 'Pravda', 'Trud', and 'Literaturnaya Gazeta' thought" in *Pressa v obshchestve (1959–2000). Otsenki zhurnal'istov i sotsiologov. Dokumenty*, auth. A. I. Volkov, M. G. Pugacheva, S. F. Iarmoliuk (Moscow, 2000). (In Russian)
- Smorgunov L. V. *Modern comparative political science* (Moscow, 2002). (In Russian)
- Social mobilization in Stalinist society (late 1920s — 1930s)*, ed. by S. A. Krasilnikov. 2nd ed. (Moscow, 2018). (In Russian)
- Social statistics*, ed. I. I. Eliseeva. 3rd ed. (Moscow, 2003). (In Russian)
- Strekalov I. N., Fokin A. A. "Every line of the draft of the new Constitution is imbued with concern for the Soviet man": ideas about justice and morality in the discussion of the draft Constitution of 1977", *Vestnik of the Tomsk State University*, no. 460, 2020. <https://doi.org/10.17223/15617793/460/20> (In Russian)
- Ushakova S. N. *Ideological and propaganda campaigns in the practice of the functioning of the Stalinist regime: New approaches and sources* (Moscow, 2013). (In Russian)

- Veniaminova A. A. *The electoral process in the Soviet state: 1917 – the beginning of the 1990s* [Candidate of Law Dissertation] (Krasnodar, 2008). (In Russian)
- Znamensky O. N. *All-Russian Constituent Assembly: The history of convocation and political collapse* (Leningrad, 1976). (In Russian)
- Zubkova E. Yu. *Post-war Soviet society: Politics and everyday life, 1945–1953* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Yarov S. V. *Conformism in Soviet Russia: Petrograd, 1917–1920s* (St Petersburg, 2006). (In Russian)
- Yarov S. V. *Man in the face of Power, 1917–1920s* (Moscow, 2014). (In Russian)

Received: May 25, 2021

Accepted: November 20, 2021